

Л.С. Лыкошина

Польская общественная мысль о России

Аннотация: В статье рассматривается образ России в польской общественной мысли в историческом контексте. Привлекаются как научные исследования, так и публицистика. Прослеживается влияние международно-политической ситуации на формирование образа России в Польше.

Abstract: Russia's image in the Polish social thought in its historical context is investigated in the present article. Both researches and journalistic articles are analyzed. The influence of the political situation in Europe on the formation of the image of Russia in Poland is demonstrated.

Ключевые слова: Россия, Польша, стереотипы сознания, геополитические интересы, исторический контекст.

Keywords: Russia, Poland, the stereotypes of consciousness, geopolitical interests, historical context.

Осмысление России польской общественной мыслью чаще всего связано с созданием образа чего-то чужого, враждебного и вместе с тем притягательного, заставляющего думать о себе. «Русские», «Россия» – для поляков это эмоционально окрашенные слова-символы. Польский философ Адам Шафф отмечал в свое время, что «характерный синдром поляков» связан с аллергией по отношению к России и русским (47, с. 56).

Негативный образ присутствует уже в первых письменных источниках, содержащих сведения об отношении поляков к рус-

ским землям и народу, их заселяющему: в польской хронике Анонима Галла (XII в.), в хронике Винцента Кадлубека (XII – начало XIII в.). Восточные соседи Польши предстают людьми дикими, необразованными, неблагородными, близкими к печенегам и половцам. В XVI в., по мысли В. Мочаловой, «концепт загадочного, варварского, полумифического восточного соседа, установившего у себя тираническую систему правления, был составной частью польской картины мира, как бы оттеняя гуманистические ценности шляхетского общества, контрастно подсвечивая национальный автопортрет» (6, с. 44).

Негативное отношение к России резко усилилось с конца XVIII в., с начала разделов (территории Речи Посполитой между Пруссией, Австрией и Россией). Национально-освободительные восстания XIX в. определили специфику отношения к России. Польский философ В. Ледницкий писал: «Дым 1831 г., а потом и 1863 г.¹ заставлял слезиться наши глаза и надолго лишил нас способности трезвого и реалистического видения России» (цит. по: 13, с. 211).

Особая роль в формировании представлений о России в польском общественном сознании принадлежит писателям и поэтам-романтикам (XIX в.), в произведениях которых мы находим немало из тех предубеждений и стереотипов, которые живы и по сей день. Романтизм – это эпоха, которая сформировала польскую идентичность и определила культурную «запрограммированность», в том числе и в сфере польско-российских отношений.

В романтизме на первом плане – идея народа, его миссии, предназначения. Польская национальная идентичность и самосознание складывались в противостоянии главному противнику – России как воплощению абсолютного зла. Реальные поражения компенсировались в общественной мысли представлениями об извечной борьбе добра (Польши) со злом (Россией). Поражения Польши воспринимались как наказание за грехи. Народ, терпевший поражения, мстил победителю, не признавая за ним не только никаких достоинств, но и просто нормального человеческого существования. В произведениях Адама Мицкевича Россия – огромная,

¹ В эти годы в Польше произошли национально-освободительные восстания против Российской империи. – Прим. авт.

неприветливая, промерзшая страна, где все подчинено воле царя-деспота. Народ покорен и пассивен. Тема холода, «замороженности» России повторяется и в произведениях других польских поэтов того времени – Ю. Словацкого, К. Норвида (10).

Романтизм в соответствии с самой сутью концепции разделял деспотов, угнетателей и поработенный, страдающий народ. Но если классик романтизма Адам Мицкевич иногда жалел «братьев-славян», то многие польские мыслители отказывали России в праве причислять себя к славянским народам. После восстания 1830–1831 гг. один из активных участников его М. Мохнацкий называл Россию страной азиатской, а русских – азиатами. Там на бескрайних и диких азиатских просторах и должна, по мысли Мохнацкого, Россия обрести свое истинное место, в чем ей призвана помочь Европа, которая в отличие от Польши недостаточно четко осознает опасность, исходящую с Востока (39, с. 116).

В середине XIX в. на смену характерному для романтизма отношению к России в категориях духовных, религиозных, цивилизационных приходит восприятие ее в категориях биологических, расовых, геополитических (13, с. 278). Польский этнограф и историк Ф. Духиньский идентифицировал Россию с туранским племенем, заселявшим некогда азиатские степи, а затем прорвавшимся в Европу. Духиньский считал, что русские – это уральские, алтайские, угрофинские племена, лишь после XII в. отчасти славянизированные киевскими князьями. Идея «туранской цивилизации», к которой якобы принадлежит Россия, стала в Польше XIX в. весьма популярной и благополучно перекечевала в XX в.

В Польской республике (1918–1939) отношение к советской России не стало более благожелательным. Одним из наиболее значимых и интересных исследователей, писавших о России в межвоенный период, был М. Здзеховский (1861–1938) – философ, историк культуры, профессор Краковского, а затем Виленского университетов, знаток русской литературы и философии, основатель Славянского клуба в Кракове и журнала «Славянский мир». Он учился в России, был лично знаком со многими представителями российской интеллигенции, публиковал свои статьи в российской периодике, был лидером галицийских славянофилов. Здзеховский относился к России эмоционально и неравнодушно, а в начальный период своего творчества вполне благожелательно. Но со временем

Россия становится для него воплощением угрозы. Предостерегая поляков от российского влияния (отнюдь не внешнего, политического, а гораздо более опасного – духовного), Здзеховский самой значимой, определяющей чертой русской души считал максимализм, размах которого очаровывал Польшу. «Максимализм каждый вопрос сводит к дилемме: либо все, либо ничего. Отсюда, – писал Здзеховский, – в сфере морали – абсолютное совершенство, в сфере социальной – абсолютное счастье рая на земле, который каждому человеку обеспечит возможность широко пользоваться всеми благами жизни; наконец, в сфере политической – универсализм абсолютного господства над миром. Но так как достижение абсолюта невозможно в этом мире, максимум естественно перерастает в отрицание действительности, в слепое и жестокое в своей решительности разрушение во всех сферах морали, социальной и государственной жизни» (64, с. 152).

В межвоенной Польше российской проблематикой занимались многие крупные историки, но вряд ли кто-то может сравниться по степени влияния на формирование исторического сознания с Я. Кухажевским (1876–1952), политическим деятелем, историком и публицистом. Его семитомное сочинение «От белого до красного царизма», изданное в 1923–1935 гг., было известно всем образованным полякам того времени. Примечательно, что сочинения Кухажевского неоднократно переиздавались и в 90-е годы XX в.

Главная идея Кухажевского – преемственность самодержавия и большевизма, перерастание славянофильского мессианства в коммунистическое. По мнению Кухажевского, в России добро переходит в зло. Он усматривает в России «историческое недоразумение, огромную мистификацию» с народом без образования и культуры, без чувства закона, без уважения к женщине, даже без привязанности к своему углу и деревне. «Русские – это народ чрезвычайно легко оставляющий отцовское гнездо и уходящий туда, где, возможно, лучше жить, пребывающий в переходном состоянии между кочевым и оседлым образом жизни, ненавидящий государство как воплощение вечного насилия» (30, с. 343).

Самое страшное, что весь народ – от просвещенных верхов до низов – проникнут одной низменной страстью – жадой захвата чужого. Именно захвата чужого, а не сохранения своего. Религия неспособна облагородить русский народ, ибо православие – не

подлинное христианство. До Золотой Орды христианство не успело утвердиться, а после, хотя и строились на Руси многочисленные церкви, соблюдались строгие посты и отбивались поклоны, русские оставались во власти обряда, а не духа христианства. Между тем при «обособленности и темноте возобладали идея, что только на русско-московских землях сохранилась истинная вера» (30, с. 347). Представление об избранности переходит из религиозной сферы в политическую, порождая национализм и ксенофобию. Русские считают себя носителями высшей правды и полагают, что другие народы должны им подчиниться. Эта идея, по Кухажевскому, происходит от монаха Филофея (с его концепцией «Третьего Рима») и Достоевского.

Важное место в польской общественной и исторической мысли межвоенного периода занимают работы профессора Виленского университета Феликса Конечного (1862–1949). Будучи сторонником цивилизационного подхода, Конечный выделял семь главных цивилизаций в истории человечества: еврейскую, браминскую, туранскую, латинскую, византийскую, китайскую и арабскую. Сам ученый был апологетом латинской цивилизации, выступая при этом противником цивилизационного синтеза. Категорически не приемля предназначение Польши служить мостом между Западом и Востоком, Конечный писал: «Что же касается очевидной ныне в Польше цивилизационной мешанины, то она, по-моему, является свидетельством упадка цивилизации. Цивилизация может быть чистой или не быть вообще. Нельзя принадлежать к двум цивилизациям. Польша пала потому, что в поисках синтеза Запада и Востока превратилась в цивилизационную карикатуру» (28, с. 236).

По мысли Конечного, страна поддалась влиянию туранской цивилизации, которая постепенно разрушила, подорвала силу цивилизации латинской. Тлетворное влияние Востока привело к гибели Польши. Это влияние было не всегда явным. Происходила скрытая «русификация интеллекта». Такие русские писатели, как Толстой и Достоевский, нарушали строй польской души. «Именно на рубеже XIX и XX вв. в Польше стал появляться новый тип: поляка с горячим польским сердцем, готового на жертвы, даже на мученичество ради Польши, но обладающего русифицированным мозгом. В польской литературе можно найти очень известные имена авторов, которые восприняли от русских не только литературный

стиль, но распространяли русские “настроения”, а подчас и откровенно русские представления о частной и общественной жизни, ненавидя Россию всей душой! Пропитанные русским мышлением, они старались применить его методы во имя польского дела. Результат, конечно же, был противоположен намерениям» (28, с. 237).

В межвоенный период в Польше попытки осмыслить революционные события 1917 г. предпринимали ученые, работавшие в Люблинском католическом университете, А. Шиманьский, Е. Пастушка, И. Чума, Е. Урбан. Чума усматривал истоки большевизма в разрыве цивилизационно-культурных связей России и Запада. Разрыв отрезал Россию от достижений западноевропейской науки, общественной и религиозной мысли. «Религиозный русский человек аномативен, аформален, склонен к мистицизму, но не в понимании западной церкви, а скорее в понимании восточном. Он умеет верить, но не может определить свою жизненную позицию. Изоляция Москвы от средневекового Запада привела к превращению России в оплот ритуала, причем огромные религиозные силы русского народа остались ниже уровня умственного развития эпохи» (16, с. 20). Естественно, что в католической стране, каковой являлась Польша, особое внимание уделялось проблеме преследования религии в СССР, атеистической пропаганде. Варварское разрушение храмов, гонения на верующих, расправа с духовенством нередко становились сюжетами публикаций в польской прессе, не прибавляя симпатий в отношении восточного соседа (48, с. 177).

Оценивая большевизм как кровавый хаос, польские публицисты того периода истоки его усматривали в истории России, в периоде татаро-монгольского нашествия. Критика большевиков особенно усилилась после обретения Польшей независимости в связи с соперничеством за территории Украины и Белоруссии. В прессе, особенно эндецкой¹, активно муссировалась тема еврей-

¹ Эндеция – Национально-демократическая партия, возглавляемая Р. Дмовским, отличалась националистическими и антисемитскими взглядами. Дмовский был депутатом Государственной Думы (1907). В его высказываниях о России можно обнаружить как весьма критическое отношение к России и русским, так и стремление обосновать мысль о том, что Россия может стать опорой в обретении Польшей независимости. – Прим. авт.

ского происхождения лидеров большевиков. Тем более что во Временном революционном комитете в Белостоке, созданном по инициативе Москвы, преобладали евреи. Католическая печать также подчеркивала засилие евреев в Русской революции и видела в этом пагубные последствия и для Польши, и для Европы.

Красноармейцы изображались дикими, полуазиатскими ордами (именно азиатские черты придавали польские художники большевикам в своих карикатурах) вечно голодных насильников и грабителей. Польские солдаты выглядели элегантно одетыми рыцарями, исполненными благородства и достоинства, красноармейцы – плохо одетыми, босыми, небритыми. Именно в эти первые послереволюционные годы в сознании многих поляков утвердился образ большевика, который, как утверждает Х. Лисьяк «просуществовал много лет, а среди старшего поколения поляков сохранился и по сей день» (34, с. 387).

Вместе с тем вследствие сближения СССР и Польши в 30-е годы, приведшем к заключению договора о ненападении в 1932 г., более благожелательным становился тон польской прессы. В Польшу приезжали делегации советских ученых, СССР посещали польские военные. Поляки присутствовали на военном параде в честь 7 ноября 1933 г. на Красной площади, польская делегация была приглашена на банкет, устроенный маршалом Тухачевским. Рос интерес к культуре СССР, советскому кинематографу (48, с. 180–181).

После сентября 1939 г. реанимируется образ русского солдата: это вновь дикий варвар, чуждый истинной цивилизации. Годы Второй мировой войны не способствовали улучшению этого образа. Антироссийские настроения усиливались в связи с проблемой Катюши, воспринимаемой в польском обществе как преступление советского режима.

После Второй мировой войны, вплоть до 1980-х годов, образ России в польской общественной мысли вписывался в схемы, утвержденные в СССР. Сложные моменты в польско-российских отношениях, «белые пятна» в истории обходились, замалчивались (во всяком случае, в официальных изданиях).

Систему образования в ПНР пытались организовать в соответствии с советским образцом. Подготовка учебников по истории велась либо под контролем советских специалистов, либо при их непосредственном участии. В 1949 г. министр просвещения

С. Сажешевский выступал с просьбой срочного перевода на польский язык учебников, изданных в СССР (48, с. 184). Польские историки немало усилий прилагали для создания позитивного образа СССР в глазах поляков, признав в начале 1950-х годов марксизм-ленинизм в качестве господствующей идеологической платформы исторических исследований. В ходе совместной работы с советскими историками формировался соответствующий политическим задачам времени образ восточного соседа.

Конечно, лучшим способом избежать оценки сложных моментов польско-российских отношений был способ умолчания. А если что-то и говорилось, то в духе официальной концепции. После 1956 г. веяния оттепели коснулись и истории, но к 1970-м годам эти тенденции сошли на нет. В средней школе часы преподавания истории были сокращены, а из программ средних специальных учебных заведений история исчезла вообще (37, с. 16–18).

В учебниках 1970-х годов, написанных известными польскими историками, история России излагается вполне в духе официальной советской историографии. Как замечает Т. Мареш, «в учебниках трудно найти что-либо такое, к чему могла бы выразить претензии Россия. Это было обусловлено политическими причинами. Только по отношению к царской России, царским генералам, ограничивающим национальную независимость поляков, авторы решались на критические замечания» (36, с. 188).

Гораздо более свободной в выражении своего отношения к России вообще и к России советской в особенности была польская общественная мысль в эмиграции. В эмигрантской публицистике (независимо от политической ориентации) господствовало убеждение в преемственности царской России и СССР (теория континуитета). Соответственно, польско-советские отношения рассматривались как продолжение польско-российских со всеми их проблемами и осложнениями. Советская политика по отношению к Польше расценивалась как агрессивная, основанная на насилии, территориальной экспансии, неуважении к польскому суверенитету (17, с. 244).

Подтверждение этой мысли усматривалось в событиях 17 сентября 1939 г., катынском расстреле, преследовании солдат и офицеров Армии Крайовой после окончания войны. Польские эмигрантские издания неоднократно высказывали идеи о том, что

корни советского режима следует искать в российских традициях. Так, один из авторов «Белого орла» (в 1947 г.) замечал, что «большевизм по сути – российское явление и потому он так легко утвердился в России». Ю. Понятовский на страницах «Польского ежедневника» (в 1956 г.) утверждал, что советский строй и советское мировоззрение – это ипостась имперского менталитета, В. Збышевский в «Культуре» (в 1955 г.) всю ответственность за большевизм возлагал на русский народ (цит. по: 55, с. 110).

В редакционной статье, опубликованной в издающемся в Нью-Йорке «Тыгоднике польском» (в 1945 г.), говорилось, что «Советская Россия не только является детищем Ивана Грозного, Екатерины и Суворова, но и гордится этим. Сталинизм – это вовсе не коммунизм, а порождение азиатчины, пожравшее тело социальной революции. Это красный фашизм, красный нацизм, опаснейшая, самая темная, милитаристская форма русского империализма» (цит. по: 55, с. 111).

Но в 1980-е годы ситуация изменилась. В польской публицистике и научной печати все чаще стали говорить о кризисе исторической науки, о «вторичной исторической неграмотности», порождаемой школой. Молодежь, да и общество в целом перестали верить официальной версии истории. Прежде всего речь шла о польско-российских и польско-советских отношениях. Война 1920 г., действия Армии Крайовой, Катынь, Варшавское восстание – все эти «белые пятна» волновали общество, искавшее правду не в учебниках и официальных изданиях, а в продукции подпольных издательств «Нова», «Кронг», «Ритм» и целого ряда других. Поток информации (как и прежде, не всегда объективной, но с совершенно противоположным прежнему содержанию) через многочисленные подпольные журналы, кассеты, радиопередачи хлынул на польское общество. СССР рассматривался как страна, оккупировавшая Польшу. Сталин – как тиран, подчинивший своей власти Центральную и Восточную Европу, Россия и СССР – как извечные угнетатели Польши. А главное – в русской истории и культуре не усматривалось ничего ценного.

Позитивный образ СССР, на создание которого годами были направлены усилия официальной науки и пропаганды, не прижился в польском обществе. Неприязнь к русским, по мнению

польского историка Я. Стефаняка, «осталась глубоко укорененной, особенно среди старшего поколения» (53, с. 196).

В польских учебниках истории, появившихся после 1989 г., акцентировалась ответственность СССР за развязывание Второй мировой войны, Катынь, Варшавское восстание, преследования поляков со стороны советских органов безопасности. В некоторых научных трудах, и особенно в публицистике, муссировалась идея, что коммунизм несколько не лучше фашизма. Под сомнение ставился тезис об освободительной роли Красной армии во Второй мировой войне. Сомнению подвергался тезис о решающей роли Октябрьской революции в обретении Польшей независимости (14). В целом правомерно говорить о том, что в школах в сознание учеников внедряется в общем негативный образ русских и России.

Прочитать о России что-то написанное в положительном ключе очень непросто в силу того, что таких авторов в Польше немного. Прежде всего следует назвать А. Валицкого, авторитетного исследователя российской общественной мысли, для которого русская интеллектуальная традиция – часть европейской. Он отрицает постулат «ненормальности» России. Валицкий возлагал на себя миссию раскрыть истинную ценность русской мысли, вернуть понимание этой ценности полякам и самим русским, утратившим его в советское время. «Я хотел бы, – пишет Валицкий Ч. Милошу, – посмотреть на русскую мысль с точки зрения общих у нас с русскими испытаний – они не могут этого сделать, а я могу... За действительное духовное возрождение России я готов заплатить “внутренней русификацией всех поляков”. Те, кто поворачивается спиной к России вместо того, чтобы повернуться к ней лицом, вовсе не националисты – это абстрактные “западники”, с пренебрежением относящиеся к родному “захолустью”» (3, с. 84).

Философ не соглашался с утверждениями Ю. Мерошевского: «Русских ненавидят в Польше больше, чем англичан в Индии или французов в Алжире. Ненавидят их одинаково католики и коммунисты, крестьяне и рабочие, интеллигенция – словом все. Эта ненависть безгранична, никакие слова не дают представления о ней» (цит. по: 3, с. 82). Валицкий же утверждал: «Мы не должны ненавидеть русских, больше всего страданий они причинили себе сами из иррациональной веры, что из этих страданий вырастет нечто великое для всего мира» (3, с. 82). Из общего хора выбивается также го-

лос историка Б. Зентары, расценивавшего традиции Великого Новгорода и земских соборов как стремление к защите прав личности и ограничению самодержавия (65).

Холодной, варварской, грубой и неприветливой, как в средневековых польских хрониках, виделась Россия известнейшему польскому публицисту (недавно скончавшемуся) Р. Капусциньскому. Его знают и читают в Польше, его произведения входят в обязательную школьную программу. Он родился и провел детство в Полесье, на территории нынешней Беларуси. Его первые впечатления о советском строе – аресты, голод, бессмысленная пальба красноармейцев по костелу.

На протяжении жизни Капусциньский не раз путешествовал по СССР. Он увлекается и восхищается многим из увиденного в Грузии, в Азербайджане, в Средней Азии. Но в самой России он видит лишь холод, колочую проволоку, лагеря, неприветливых, грубых людей. Пространства России угнетают его, ассоциируются со смертью, они слишком бескрайни для человека, таят в себе небытие, уничтожение, они отнимают все силы, от величия пространства захватывает дух и дышать человек не может.

Русского/советского человека, по Капусциньскому, давит не только пространство, но и деспотическая власть. «Царь считался Богом в полном смысле слова. В течение столетий, на протяжении всей истории России. Только в XIX в. был издан царский указ о том, чтобы из церквей убрать портреты царя... Если цари – наместники Бога, то Ленин и Сталин – наместники мирового коммунизма...» (23, с. 91). И народ это приемлет, он носитель «цивилизации, которая не задает вопросов., цивилизации остановившейся, парализованной, неподвижной» (23, с. 151).

Этим людям многого не надо: «начальство лучше знает». Суть же русской философии жизни, как полагает Капусциньский, лучше всего выразила сибирячка, обитающая в убогом, грязном домишке на окраине Иркутска и ответившая на вопрос о том, как она живет, такими словами: «Как живем..? Дышим» (23, с. 189). Только демократические перемены позволили жителям империи не просто дышать, но и жить. Однако самой советской империи не стало. Но остались в силе геополитические параметры бытия России. Как отмечает польская исследовательница А. Брыц, между национальной идентичностью и геополитикой прослеживается несо-

мненная взаимосвязь. Она проявляется и в российском «территориоцентризме» и имперской традиции, и в польском «территориальном детерминизме» и ощущении «двойной угрозы» или в сентиментальном отношении к периоду Ягеллонов. Эти черты, присущие России и Польше в прошлом, не исчезли и сейчас. «Польский национальный характер также формировался под влиянием геополитических факторов, специфически понимаемого пространства, претензий на особую роль в регионе. В формировании "польскости" романтизм одержал победу над позитивизмом» (12, с. 28). У россиян величие воспринимается именно через призму территории, и в отличие от представлений поляков, не имеет негативных коннотаций.

Обеим странам не чужд инструментальный подход к своим соседям, в частности к Украине. Для России последняя является частью истории великой империи, для Польши – частью истории I Речи Посполитой. Польша и Россия соревнуются между собой за сферы влияния, отличаясь только риторикой

А. Влодковска-Баган, размышляя о природе конфликтности в польско-российских отношениях и оценивая таковую как «геополитический стигмат», отмечает, что «конфликтность» вовсе не равнозначна конфликтам, как некоему действию с применением силы, хотя конфликтность содержит в себе элементы недоверия, враждебности, соперничества. Именно такой, конфликтный характер носят польско-российские отношения на протяжении веков, являясь следствием геополитики. И в настоящее время отношения двух стран не лишены конфликтности, хотя и не являются враждебными. Автор полагает, что Польшу можно расценивать как демократическое государство, тогда как Россию – нет. Это обстоятельство влияет на характер двусторонних отношений. Польша является поборником демократии и пытается поддержать демократические ценности в постсоветских государствах, прежде всего в Украине и Беларуси, а Россия стремится сохранить в этих странах собственное влияние. Но соперничество не означает вражду, и отнюдь не исключает сотрудничества.

Конфликтность, имманентно присущая российско-польским отношениям, в разные исторические эпохи имеет разные формы. «Российское государство является наследником как Российской империи, так и СССР. РФ – его правопреемница. В свою очередь

III Речь Посполитая – наследница польской государственности ушедших веков. Можно даже утверждать, что и объект соперничества в принципе остается тем же – борьба за влияние на общих соседей России и Польши» (62, с. 64).

Перемены, происшедшие в России и Польше в конце XX – начале XXI в., способствовали активизации польской общественной мысли в ее попытках осознания роли России в судьбах Польши. В этот период появился большой массив публикаций, посвященных России, как в научной литературе, так и в публицистике. Анализ этих публикаций свидетельствует о том, что в польской общественной мысли не просто идет процесс переосмысления облика России. Достаточно сильны опасения, что демократизация в России поверхностна и непоследовательна, а без демократии Россия – это тот же СССР или империя Романовых. Вместе с тем ряд авторов решительно выступают против отождествления России прежней и нынешней, усматривая в подобном отождествлении влияние исторически сложившихся стереотипов и предрассудков.

Вслед за польским исследователем А. Поморским представляется уместным отметить, что эта тема в польской литературе чаще всего рассматривается в контексте стереотипов о России и русских. Это настораживает, ибо «обращение к категории стереотипа... имеет характер стереотипа» (42, с. 13). Часто употребляемые термины «исторический опыт поляков», «Восток», «Запад» сами по себе носят характер стереотипов и не несут в себе реального и конкретного содержания. Как полагает профессор А. Белень, специалист по проблемам России и российско-польских отношений, русофобия в Польше – явление распространенное. В исторической памяти поляков укоренено представление о России как государстве репрессивном и агрессивном, враждебном. Для многих поляков русофобия превратилась в своеобразную «политическую карму», без которой они не мыслят своего существования в общественной жизни (11). По мнению Э. Левандовского (социолога, работающего в Лодзинском университете), Россия и русские заслуживают глубокого социологического и историко-философского осмысления. Прежде всего потому, что Россия – это не просто страна, а целый континент, обладающий огромными материальными и человеческими ресурсами. «Россия не принадлежала и не

принадлежит Западу. Она разорвана между Западом и Востоком» (33, с. 186).

Из сформулированных С. Хантингтоном восьми черт западной цивилизации (наследие античности, католицизм и протестантизм, языковая множественность, отделение церкви от государства, главенство закона, плюрализм, наличие представительских органов, индивидуализм) для России характерно только присутствие наследия классической древности, но и его страна получила не из Рима, а из Константинополя. Уникальность западноевропейской культуры и цивилизации, однако, не означает универсальности: иные цивилизации обладают собственными ценностями и традициями, вполне сочетаемыми с требованиями технического и экономического прогресса.

Более того, полагает Левандовский, некоторые советские концепции могут быть применимы в современном мире с большим успехом, чем это удалось сделать в СССР. В качестве примера ученый приводит Японию, где используются централизованное планирование и в известном смысле «тоталитарная» система воспитания. «Таким образом, не исключено, что некоторые коммунистические идеи, которые не оправдали себя в России, будут более успешно реализованы в иной стране. Ведь необязательно марксизм должен легитимировать тоталитаризм» (33, с. 186).

История доказывает, что русский народ непредсказуем и нетерпелив. Подобно Дмитрию Карамазову, он хотел бы сразу быстро уничтожить зло и осчастливить человечество. Этот герой Достоевского был способен к любым крайностям, он вел себя как типичный русский и являет собой неразрешимую загадку русского сфинкса. Все же российскому сфинксу следовало бы иметь голову русской женщины. Лучше всего Настасьи Филипповны или Аглаи Епанчиной из «Идиота», но, возможно, и Катерины из «Братьев Карамазовых» или Лизы из «Бесов», или Ахмаковой из «Подростка», или Дуни из «Преступления и наказания». Реальным же прототипом всех этих женских персонажей была Аполлинария Сулова, воплощавшая в себе, по Достоевскому, черты типичной русской женщины. Искать же истоки следует за Уралом. Именно там 80% территории представляют собой вечную мерзлоту, которую русский ученый М. Самгин в 1927 г. и отождествлял с «русским сфинксом» (33 с. 189).

Русский человек, по мысли Левандовского, сочетает в себе противоречивые черты и быстро меняет настроение. В отличие от мужественных немцев и англичан, русские (а также и поляки) имеют женские черты. Но в отличие от поляков, наполовину сирот (без отца), русские имеют матушку-Россию и батюшку-царя. Польский католицизм и русское православие основаны на признании высших неземных ценностей более значимых, чем ценности «мира сего». Это в известной мере обуславливает сходство обоих народов и вместе с тем их отличие от народов протестантских.

Отношение поляков к России весьма оцутимо «отягощено» историей. Именно исторические стереотипы являются определяющим фактором. Каждый восьмой поляк отождествляет Россию с коммунизмом, СССР, тоталитаризмом и социализмом. Две трети поляков полагают, что в истории польско-российских отношений больше негативных, чем позитивных моментов. Причем жители деревень чаще отмечают позитивные моменты, чем жители городов, а молодежь (18–24 года) чаще настаивает на преобладании негативных моментов (49, с. 50). Как показывают исследования последних лет, больше половины поляков считают, что Россия должна ощущать чувство вины по отношению к Польше в связи с событиями Второй мировой войны, Катынью, а также социалистическим периодом, когда Польша зависела от СССР. Более 80% поляков уверены, что Польша, напротив, не должна иметь чувства вины по отношению к России в связи с историческим прошлым (27, с. 142; 49, с. 50).

Бесспорно, что общественное сознание во многом определяется СМИ. Нельзя сказать, что о России мало пишут в Польше. По количеству информации Россию опережает только Германия. Вместе с тем информация носит случайный, в некотором смысле «сенсационный» характер. Отношения России и Польши воспринимаются как отношения между государствами, а не между людьми. «Политизированность» отношений проявляется и в том, кого поляки называют наиболее известными россиянами. Чаще всего это Горбачев, Путин, Ленин, несколько реже – Сталин, Ельцин. Менее популярны имена, связанные с миром культуры. Однако 40% поляков знают хотя бы одно имя носителя русской культуры. Чаще всего это Пушкин, Толстой, Достоевский, Булгаков, Чехов, Чайковский, Высоцкий. В целом русская культура XIX – начала XX в.

неплохо известна в Польше. Достаточно сказать, что «Мастер и Маргарита» была относительно недавно признана в Польше лучшей книгой, написанной в XX в. (27, с. 142).

В развитии польско-российских отношений современные поляки важное место отводят экономическому фактору. Больше половины респондентов во взаимовыгодной торговле усматривают главный способ налаживания хороших отношений. Только каждый пятый поляк уповает на общее происхождение и культурную близость (49, с. 53).

В общении с русскими поляки часто используют несколько поучающий, менторский тон, нередко представляя Польшу мостом между Востоком и Западом. Однако, как отмечает И. Конечна (Варшавский университет), «в своем ощущении цивилизационной миссии мы должны следить за тем, чтобы не стать тем мостом, по которому никто не захочет ехать, ибо все уже давно пользуются самолетом» (27, с. 143).

В польских СМИ преобладает информация чисто политического свойства, а о культуре и повседневной жизни в России говорится немного. Либеральная пресса – «Газета wyborcza», «Жечь Польшита», «Политика», «Впрост» и ряд других изданий – достаточно часто затрагивает российскую проблематику. Россия на страницах этих изданий – государство, переживающее кризис, страдающее имперским комплексом, национализмом и ксенофобией, но обладающее огромными потенциалом для развития. Высказывается озабоченность ростом авторитарных тенденций в российской политике. Как ключевая фигура антидемократических процессов в стране рассматривается президент В.В. Путин. С одной стороны, его оценивают как прагматика, человека «сильной руки», который консолидировал российское общество, а с другой – как «кандидата на просвещенного автократа» или еще резче как «фашиста», «современного Сталина», «душителя свобод». Этот образ российского лидера приобрел едва ли не демонические черты в связи с событиями на Украине. Наряду с однозначным осуждением российского лидера как воплощения неизбывной агрессивности России имеют место и попытки объяснения природы его власти. Так, А. Белень полагает, что сильная власть в России основана на многовековой патримониальной и авторитарной традиции, обусловлена территориальным фактором, огромными размерами го-

сударства, которым невозможно управлять без наличия сильной власти (11).

«Трибуна», «Пшеглэнд», «Дзись», популярные среди коммунистических левых, в своей трактовке российской проблематики мало отличаются от либеральной прессы. Возможно, как полагает М. Жаковска, левые издания несколько больше, чем либеральные, полемизируют с негативным образом России, настаивая на необходимости выстраивания рациональных и прагматических отношений с восточным соседом. Интерес вызывают статьи (на страницах «Пшеглэнд») Валицкого, который решительно выступает в защиту политики Путина, расценивая ее не как стремление к авторитаризму, а как попытку исправить ошибки Ельцина, вывести страну из депрессии и кризиса. Валицкий решительно отвергает миф о «хороших олигархах» и «злом Путине», считая, что борьба с олигархами связана со стремлением вернуть государству контроль над ресурсами страны (63, с. 370).

В польской прессе правого толка («Наш дзенник», связанный с радио «Мария», «Мысль польска» – еженедельник эндецкого направления, «Наша Польшка», декларирующая себя независимым изданием, «Глос» – католический ежедневник, «Найвисши час» – консервативно-либеральный еженедельник и выходящий раз в два месяца «Аркана») представлен негативный образ России (63, с. 360). Это государство авторитарное и варварское, являющееся продолжателем традиций царской России и СССР, где власть захватили евреи. Известным исключением является «Мысль польска», на страницах которой время от времени появляются статьи о желательности для Польши сотрудничества с восточным соседом, налаживания с ним нормальных отношений.

Характеризуя знания современных поляков о России и образ последней в общественном сознании, известный польский публицист Б. Цивиньский пишет: «То, что мы знаем о России последнего десятилетия, выглядит своеобразной черной дырой. В темной мгле выделяются какие-то фрагменты действительности, какие-то образы, может действительно важные, а может, просто марионетки, выдвинутые для достижений чьих-то политических целей. Просматриваются какие-то мифологические образы... Был шокирующий Ельцин, есть скользкий Путин, есть более, чем когда бы то ни было,

богатая, неправдоподобно космополитическая Москва, есть преступления в Чечне» (15, с. 3).

Современным полякам непросто получить информацию о жизни в современной России: российские газеты дороги, фильмы о России появляются на экране только глубокой ночью. Специфика представлений о России в польской общественной мысли особенно ярко проявляется в моменты обострения политической ситуации. Так было в 2008 г. во время конфликта в Грузии или в 2014 г. в связи с кризисом в Украине.

События 2008 г. вызвали в Варшаве быструю и весьма энергичную реакцию. Президент Лех Качиньский незамедлительно вылетел в Тбилиси вместе с президентами Латвии, Эстонии, Литвы и Украины. В Тбилиси представительная делегация прибыла уже после полуночи 13 августа 2008 г. На митинге, участники которого восторженно приветствовали прилетевшую делегацию, Качиньский произнес пламенную речь, заявив о готовности Польши к борьбе со страной, которая показала свое лицо, хорошо известное полякам. Россия всегда стремилась подчинять себе соседние государства и решила, что времена империи возвращаются. Вслед за Грузией может наступить очередь Украины, потом государств Балтии, а впоследствии, возможно, и Польши. Этого допустить нельзя. Поэтому-то президенты пяти государств и поспешили выразить Грузии свою солидарность.

Пылкая речь Качиньского была встречена в Польше по меньшей мере неоднозначно. В прессе писали и о «звездной ночи» Качиньского, имея в виду ночь с 12 на 13 сентября, когда польский президент выступил на митинге в Тбилиси, и о неоправданных, а то и смешных претензиях на роль арбитра в споре, решение которого явно не под силу Польше. Министр иностранных дел Польши Радослав Сикорский, сопровождавший президента в его поездке, отметил, что выступление польского лидера было его самостоятельной инициативой и отнюдь не является официальной позицией Польши. Без особого энтузиазма отнесся к заявлениям Качиньского и премьер-министр Дональд Туск, заметив, что Качиньский произнес в Тбилиси «несколько лишних слов». Польша же, как полагают премьер, не должна быть той страной, которая имеет «самые плохие отношения с Россией из всех стран – членов ЕС», и претендовать на роль «миссионера любой ценой» (9). Правда, по инициа-

тиве польской стороны и того же Туска было созвано экстренное совещание представителей стран – членов ЕС, посвященное российско-грузинскому конфликту.

Главный редактор влиятельной «Газеты Выборчей» Адам Михник, относящий себя к числу «польских антисоветских русофилов», посетив несколько раз Грузию, стал решительным грузинофилом. Позиция Михника достаточно типична для многих представителей польского политического класса. Истоки событий, как полагает «антисоветский русофил», следует искать в специфике политических процессов, происходящих в России в последнее время. С началом перестройки казалось, что Россия движется в направлении либеральной демократии. Но расстрел Белого дома, чеченская война, а впоследствии фактическое устранение оппозиции, преследование независимых СМИ, ликвидация свободного рынка, антизападная, в частности антиамериканская, истерия, фальсификация истории – все это звенья одной цепи. Отдельные события этого ряда превратились в политический курс с момента прихода Путина к власти. Отношение Михника к Путину изменилось после ареста Ходорковского, процесс против которого был реализован в «поистине латиноамериканском духе». Преследование олигархов явилось «одним из элементов демонтажа демократии в России». «Атака России против Грузии» стала «серьезным поражением российской демократии». Но это не потеря Россией лица. Россия показала миру именно такое лицо, которое хотела показать. «И в этом смысле это успех России» (38, с. 23). Россия, полагает Михник, не обречена генетически на деспотию, но она попала в ловушку имперского мышления и имперской политики.

Об опасности имперской или неоимперской политики России, о ее неприглядном «истинном лице», которое открылось в тот момент, когда «демократическая маска» упала, говорилось в статьях многих польских публицистов и политологов, появившихся в печати в связи с событиями на Кавказе. Так, известный польский политолог А. Смоляр полагает, что между Россией и Западом – глубокая пропасть. «Россия может быть партнером в переговорах об энергоносителях, в борьбе с терроризмом и распространением оружия массового поражения, диалогах об Иране, Северной Корее, исламском радикализме. Но она не является и не может быть партнером для переговоров о мировом порядке» (52, с. 20). Развивая эту

мысль, публицист «Жечи Посполитой» М. Магеровский констатировал, что Россия не может рассчитывать на благосклонность Запада и рассматриваться как стратегический международный партнер. Она ни с кем не считается, не соблюдает демократические ценности и вдобавок бомбит своих соседей. Такая страна представляет реальную опасность для цивилизованного мира (35, с. 13).

Смоляр, разделяющий характерную для польской общественной мысли позицию о невозможности особого пути развития России, полагает, что сейчас, как, впрочем, и всегда, она стоит перед выбором: или окончательная интеграция с Западом, или погружение в изоляцию, превращение в страну с вымирающим населением, ставящую вечные вопросы об идентичности, предназначении и мечтающей о величии (52, с. 20).

Расположенная на границе двух миров, полагает З. Рачиньский, Россия не хочет быть частью «либерально-демократического интернационала». Действующая в России система власти больше похожа на классическую модель российского самодержавия, чем на настоящую демократию. Но это нравится россиянам. «Кавказская война проходила в атмосфере высокого патриотического подъема и не только явилась бальзамом для изболевшейся русской души, но и послужила консолидации властной элиты» (44, с. 45). Имперские амбиции России, писал Б. Вильдштейн на страницах «Жечи Посполитой», слишком хорошо известны Польше. Запад же плохо знает Россию и явно обольщается по поводу ее продвижения по пути демократии. Между тем Россию надо остановить, ибо опасно выращивать «российского монстра» (60, с. 14).

При всей распространенности подобного рода представлений их разделяли не все поляки. Так, М. Яницкий и В. Владька на страницах популярного в стране еженедельника «Политика» усматривали опасность в политике Л. Качиньского, направленной на превращение Польши в некое прифронтовое государство, которому постоянно угрожает Россия. Эта политика, выглядящая патриотической, на деле становится политикой «морально-патриотического шантажа» и отнюдь не способствует реалистическому восприятию событий (20, с. 16). Весьма опасно, полагает М. Островский на страницах той же «Политики», сводить патриотизм к «громким, смелыми, бескомпромиссным» декларациям против России. Лозунг изоляции России может быть и хорош в Португа-

лии или за Атлантическим океаном, но весьма неоднозначен для страны, которая соседствует с Россией (40, с. 13).

Одним из основных элементов восприятия поляками России является лицемерие, писал на страницах «Жечи Посполитой» известный публицист П. Сквечинский, что проявилось в отношении к российско-грузинскому конфликту. Объективно интерес Польши состоит в поддержке Грузии, но при этом удивляет упорство, с каким поляки не хотят признать факт, что и сама Грузия выступила как агрессор, напав на Осетию. Внешняя политика управляется национальным эгоизмом. Это нормально, что поляки поддержали грузинскую агрессию. Ненормально делать вид, что невозможен иной подход – оценка действий России как попытки защитить малый народ от грузинской аннексии. Хотя при этом Россия, признает автор, руководствовалась не любовью к осетинам, а своими национально-государственными интересами. «Складывается впечатление, – замечает Сквечинский, – что единственным действием российского правительства, которое поляки признали бы удовлетворительным, было бы провозглашение Россией роспуска собственного государства и призыв соотечественников к коллективному самоубийству. Тогда бы на берегах Вислы все были бы довольны. Хотя и это, наверное, стало бы поводом для комментариев о российских саморазрушительных традициях, завершении дела Дзержинского и Сталина» (51, с. 13).

Во время событий 2008 г. на Кавказе на страницах польской печати нередко высказывалось мнение, что гораздо большего поляки смогут добиться, если откажутся от антироссийской риторики и будут действовать через структуры ЕС. Серьезные надежды в Польше возлагались на проект Восточного партнерства. Михник сравнивал этот план с «планом Маршалла для Грузии, Армении, Азербайджана, Украины и Молдавии». Усилия по вовлечению одной из участниц проекта Восточного партнерства в орбиту Европейского сообщества обернулись трагическими событиями в Украине в 2014 г.

Украина издавна занимала особое место в жизни польского государства. Исследователь А. Вежбицкий полагает, что, несмотря на незыблемость ялтинских границ, и по сей день в Польше сохра-

няется ностальгия по идеям УЛБ Ю. Мерошевского¹. Это выражается в том, что власти III Речи Посполитой «стремятся к геополитической и геокультурной европеизации, а тем самым *вестернизации* Беларуси и Украины, что встречает отпор со стороны России, которая обе эти страны рассматривает как общее наследие Киевской Руси» (61, с. 95).

Анализируя проблему соседей в концепциях Российского государства и представлениях россиян, автор подчеркивает приоритетность идеи единства трех славянских народов, утвердившейся в русском сознании в XVII в. и сохранившейся до наших дней. Концепция «общерусской нации» присутствует, по мнению Вежбицкого, в политике властей Российской Федерации, в публицистике и научных исследованиях.

Автор полагает, что для белорусской идентичности характерно наличие как европейского, так и восточнославянского компонента. Причем, если «европейскость» характерна прежде всего для части политической элиты, то «средний белорус», а таковых в стране большинство, ощущают свою связь с Россией. Это не означает, что белорусы против европейской интеграции, «хотя постсоветизм и цивилизационная связь с Россией являются препятствием для восприятия европейских идей и ценностей» (61, с. 112).

Гораздо более сложной представляется ситуация на Украине, балансирующей между Востоком и Западом. К непростой ситуации геополитического соперничества России и Польши за влияние в Украине и Беларуси примешивается проблема национальных меньшинств, польского – в Беларуси и русского – в Украине. Согласно Вежбицкому, поляки в Республике Беларусь стали политическим инструментом, используемым польскими властями для демократизации и тем самым *вестернизации* государства. Русское сообщество в Украине разделено: одна его часть сохраняет лояль-

¹ УЛБ – Украина, Литва, Беларусь. Аббревиатура введена в политический дискурс Ю. Мерошевским, известным польским публицистом, соратником Е. Гедройца – издателя и редактора издаваемого в Париже журнала «Культура», в котором были изложены основные положения концепции «восточной политики Польши Гедройца-Мерошевского». Подробнее см.: Лыкошина Л. На пути от социализма к демократии // Польша в XX в. Очерки политической истории. – М., 2012. – С. 905–910. – Прим. авт.

ность по отношению к украинскому государству, другая считает своей родиной Россию и стремится к возрождению единого государства. Таким образом, признавая независимость своих восточных соседей, Россия и Польша соревнуются за сохранение влияния в этих государствах.

Польские политики решительно и однозначно осудили действия России. Когда в январе 2014 г. начались события на Майдане, ЕС не имела определенного плана действий. Едва ли не первой отреагировала Польша. Уже 22 января польский премьер Дональд Туск отправился в Европу со своим планом, предусматривающим санкции против России, финансовую помощь Украине, создание условий для нормальных выборов, подписание с Украиной договора об ассоциации с ЕС. С этими предложениями Туск посетил семь стран ЕС. В тот момент, когда начался штурм Майдана (18 февраля), в Киев прибыл министр иностранных дел Р. Сикорский вместе со своими германским и французским коллегами. Итогом стало подписание соглашения с Януковичем. Но реализовать его не удалось.

Международно-политический контекст событий изменился в связи с Крымом. Именно польский премьер отреагировал первым, предложив созвать чрезвычайное заседание Совета ЕС. В марте 2014 г. было принято решение о первых санкциях и о подписании политической части договора об ассоциации с Украиной. Стремясь к выработке консолидированной польской позиции, в марте Туск провел встречу с ведущими польскими политиками. На ней присутствовали А. Квасьневский, В. Чимошевич и Л. Миллер, представляющие польских левых, Я. Пехочиньский, глава Крестьянской партии, и Я. Качиньский, лидер крупнейшей оппозиционной партии «Право и справедливость» (ПиС). Последний никогда не принимал участие в подобного рода встречах, отвергая любые предложения. Глава ПиС заметил по итогам встречи: «Мы близки к такому положению вещей, когда можно говорить о единстве польских политиков по украинскому вопросу» (22).

Президент Б. Коморовский в том же марте 2014 г. созвал Совет национальной безопасности для рассмотрения вопроса об Украине. Президент отметил, что безопасности Польши ничего еще не угрожает, но ситуация создает угрозу международному порядку. Коморовский заявил, что дестабилизация ситуации в Украине в интересах России, действующей в целях ослабления связей регио-

нов с Киевом (26). Способ разрешения конфликта, «ключ к поддержке Украины», как полагал Коморовский, находится в руках ЕС и США. Польша поддерживает США и старается влиять на ЕС, с тем чтобы Евросоюз осознал, что «если России удастся план дестабилизации Украины и приостановки процесса модернизации, то это будет угрозой всему политическому порядку в Европе». Президент подчеркивал, что вполне вероятен сценарий возвращения к холодной войне. Чем более прозападной является ориентация Украины, тем более безопасна Польша (24).

В той же тональности оценивал ситуацию на Украине возглавлявший польское правительство Туск (оставивший этот пост в сентябре 2014 г. в связи с избранием на должность главы Совета ЕС). Он считал, что в Украине идет война, но «война особого типа, без объявления войны» (56). По мнению польского премьера, ситуация провоцируется Россией. Шансов на дипломатическое урегулирование становится все меньше. НАТО и ЕС должны быть готовы к защите своих границ (57). Причем, позиция Европы должна быть консолидированной. Евроскептики, полагал Туск, «в реальности объективно либо субъективно, играют роль политиков, помогающих Путину в его очень опасной игре» (58). В роли евроскептиков на польском политическом пространстве традиционно выступает прежде всего ПиС, считающая провальным проект Восточного партнерства, развитию которого большое значение всегда придавал Туск. Мысль о необходимости единой европейской политики и углублении евроинтеграции в полной мере поддерживают глава польских социал-демократов Л. Миллер и лидер партии «Твое движение» Я. Паликот. Они самым решительным образом выступают за углубление интеграции и вхождение Польши в зону евро. Паликот даже полагает, что это шаг был бы более эффективен, чем противоракетные установки. Хотя и последними поляки не склонны пренебрегать: в марте 2014 г. в Польшу прибыл контингент американских войск и самолеты. Нарастивание военного присутствия НАТО предполагается и в дальнейшем. На саммите НАТО в Ньюпорте (сентябрь 2014 г.) принято решение об усилении боевой готовности многонационального Северо-Восточного корпуса НАТО, базирующегося в Щецине.

Польша стремится убедить ЕС в необходимости единой политики. Как заметил П. Грась (генеральный секретарь правящей

партии «Гражданская платформа», «когда в темном лесу ты идешь против медведя, лучше это делать не одному, а в компании сильных друзей» (59). В важности европейского единства убежден и А. Квасньевский, прямо говорящий о создании «единого европейского фронта с привлечением США» (32).

Концентрированным выражением польской позиции стало выступление в Сейме 8 мая 2014 г. министра иностранных дел Польши Р. Сикорского¹. Основное внимание он уделил Украине. Министр выразил мнение, что действия России, «безусловно, нарушают принципы мирного сосуществования народов», они «недопустимы с правовой точки зрения и политически небезопасны». Польша руководствовалась в отношениях с Россией постулатом Туска, согласно которому надо воспринимать Россию «такой, какая она есть». Но это было возможно, пока Россия соответствовала «критериям» современного мира. Сейчас Россия, по мнению польского министра, вступила на путь агрессии, и Польша делает соответствующие выводы (19).

В своей недавно изданной книге Х. Ван Ромпей отмечает, что в момент его вступления на пост председателя Совета ЕС проблемы взаимоотношений Украины и ЕС волновали только Польшу, ныне же события в Украине безразличны всей Европе. Известный польский политик и публицист А. Ротфельд считает это несомненным успехом Польши (46). Однако в свете тех драматических событий, которые разворачиваются в Украине, вывод Ротфельда видится далеко не бесспорным.

Представляется правомерным констатировать, что польской общественной мысли в целом присуще скорее негативное отношение к России. Вместе с тем присутствуют представления о необходимости непредвзятого, объективного отношения к России, преодоления исторически сложившихся стереотипов. Как замечает профессор А. Белень, немногие в Польше заинтересованы в том, чтобы преодолеть «архаичные, стереотипные, подчас сюрреалистические и крайне упрощенные представления о России». Ведь как и все в мире, украинский кризис закончится, а «Польша по-

¹ В настоящее время Р. Сикорский оставил пост министра иностранных дел и является спикером Сейма – нижней палаты польского парламента. – Прим. авт.

прежнему останется соседом России и должна думать о своих интересах. Необходимо больше реализма и меньше морализаторства» (11).

Список литературы

1. Анкета «Новой Польши» // Новая Польша. – Варшава, 2003. – № 3. – С. 8-10.
2. Анкета «Новой Польши» // Новая Польша. – Варшава, 2003. – № 4. – С. 3-5.
3. Валицкий А. Россия // Вопросы философии. – М., 1990. – № 12. – С. 67-88.
4. Кулерский В. Визит Путина в польском зеркале // Новая Польша. – Варшава, 2002. – № 3. – С. 3-10.
5. Михник А. Без демократии Россия – это Советский Союз // Новая газета. – М., 2004. – 5 апр. – С. 4.
6. Мочалова В. Представления о России и их верификация в Польше XVI-XVII вв. // Россия – Польша: Образы и стереотипы в литературе и культуре. – М., 2002. – С. 44-64.
7. Помяновский Е. Как нам ужиться с Россией // Новая Польша. – Варшава, 2002. – № 3. – С. 3-8.
8. Разны А. Россия в глазах Марианна Здзеховского // Поляки и русские: Взаимопонимание и взаимнепонимание. – М., 2000. – С. 155-161.
9. Туск Д. Польша не должна быть миссионером любой ценой. – Режим доступа: <http://www.svoboda.org/content/article/460505.html>
10. Хорев В. Мицкевич и польский стереотип отношения к России. Мицкевич и Пушкин // Польша и поляки глазами русских литераторов. – М., 2005. – С. 60-77.
11. Bieleń A. Rusofobia jest zjawiskiem powszechnym. – Mode of access: <http://geopolityka.net/stanislaw-bielen-rusofobia-jest-zjawiskiem-powszechnym-w-polsce/>
12. Bryc A. Wpływ geopolityki na tożsamość międzynarodową Polski i Rosji // Geopolityka w stosunkach polsko-rosyjskich. – W-wa, 2012. – S. 23-44.
13. Bohun M. Oblicza obsesji – negatywny obraz Rosji w myśli polskiej // Katalog wzajemnych uprzedzeń polaków i rosjan. – W-wa, 2006. – S. 203-302.
14. Cesarz-Maternicka E., Maternicki J. Sąsiedztwo państw i narodów w edukacji historycznej młodzieży // Wiadomości historyczne. – W-wa, 2005. – N 2. – S. 17-23.
15. Cywiński B. Sieroty po imperium // Rzeczpospolita. – W-wa, 2002. – 22 kwiet. – S. 3.

16. Czuma J. Filozoficzne punkty styczne Zachodu i bolszewizmu. – Lublin, 1930. – 150 s.
17. Habielski R. Życie społeczne i kulturalne emigracji. – W-wa, 1999. – 340 s.
18. Halicki A. Unia musi przekroczyć Bug // Rzeczpospolita. – W-wa, 2008. – 30 wrzes. – S. 12.
19. Informacja ministra spraw zagranicznych o zadaniach polskiej polityki zagranicznej w 2014 roku. – Mode of access: http://www.msz.gov.pl/pl/aktualnosci/wiadomosci/informacja_ministra_spraw_zagranicznych_o_zadaniach_polskiej_polityki_zagranicznej_w_2014_roku
20. Janicki M., Władyka W. Wewnętrzna polityka zagraniczna // Polityka. – W-wa, 2008. – N 35. – S. 14–16.
21. Jeliński E. Idee bolszewizmu w katolickiej myśli filozoficznej // Oblicza wschodu w kulturze polskiej. – Poznań, 1999. – S. 231–246.
22. Kaczyński J. Jesteśmy blisko stanu w który można mówić. – Mode of access: http://wyborcza.pl/1,75478,15552545,Kaczynski_Jestesmy_bliisko_stanu_w_ktorym_mozna_mowic.html#TRrelSST
23. Kapuściński R. Imperium. – W-wa, 2007. – 336 s.
24. Komorowski B. Pilnujemy-własnego-bezpieczeństwa. – Mode of access: <http://www.prezydent.pl/aktualnosci/wypowiedzi-prezydenta/wywiady/art,278,pilnujemy-wlasnego-bezpieczenstwa.html>
25. Komorowski B. W sprawie Ukrainy Polska chce stanąć mocno na gruncie proponowanym przez USA. – Mode of access: <http://m.wyborcza.pl/wyborcza/55,105226,15558139,,,,15557394.html?i=0>
26. Komorowski B. Kryzys na Ukrainie wywoływany, by utrudnić wybory. – Mode of access: <http://www.prezydent.pl/aktualnosci/wypowiedzi-prezydenta/wywiady/art,289,kryzys-na-ukrainie-wywoływany-by-utrudnic-wybory.html>
27. Konieczna J. Polsko-rosyjskie asymetrie, uprzedzenia i nadzieje // Polacy i rosjanie: Przewycieżanie uprzedzeń. – Łódź, 2006. – S. 137–143.
28. Konieczny F. Polska między wschodem a zachodem // Duzsa polska i rosyjska: Antologia. – W-wa, 2002. – S. 230–260.
29. Kotlarski G. Między rusofilią a rusofobią // Oblicza wschodu w kulturze polskiej. – Poznań, 1999. – S. 185–210.
30. Kuchazrewski J. Od białego caratu do czerwonego // Duzsa polska i rosyjska: Antologia. – W-wa, 2002. – S. 342–407.
31. Kuczyński W. Rosja odbiła Kaukaz // Rzeczpospolita. – W-wa, 2008. – 13 sierp. – S. 14.
32. Kwaśniewski A. Trzeba bić na alarm. – Mode of access: http://wyborcza.pl/1,75478,15554149,Aleksander_Kwasniewski_Trzeba_bic_na_alarm.html#TRrelSST
33. Lewandowski E. Rosyjski sfinks. – W-wa, 1999. – 216 s.

34. Lisak H. Obraz bolszewika w oczach polaków w pierwszych latach odradzającej się II Rzeczypospolitej, (1918–1920) // *Oblicza wschodu w kulturze polskiej*. – Poznań, 1999. – S. 383–394.
35. Magierowski M. Potwór Rosja // *Rzeczpospolita*. – W-wa, 2008. – 31 sierpn. – S. 13.
36. Maresz T. Rosjanin w polskich podręcznikach szkolnych do historii. – Łódź, 2006. – 246 s.
37. Maternicki J. Nauczanie historii najnowszej // *Wiadomości hist.* – W-wa, 1987. – N 1. – S. 3–19.
38. Michnik A. Prezydent i rząd zdali gruziński egzamin // *Gazeta wyborcza*. – W-wa, 2008. – 10 wrzes. – S. 23.
39. Mochnacki M. Pisma krytyczne i polityczne. – Kraków, 1996. – T. 2. – 429 s.
40. Ostrowski M. Co z tą Rosją // *Polityka*. – W-wa, 2008. – N 34. – S. 13–15.
41. Pomianowski J. Protokół rozbieżności // *Rzeczpospolita*. – W-wa, 2004. – 8–9 maj. – S. 8.
42. Pomorski A. Imperialna baba. – W-wa, 2003. – 215 s.
43. Przybył E. Religie w Rosji w świetle prasy polskiej po 1989 r. // *Polacy i rosjanie: Przewyciężanie uprzedzeń*. – Łódź, 2006. – S. 344–357.
44. Raczyński Z. Rosja wstaje z kolan // *Polityka*. – W-wa, 2008. – N 37. – S. 45–46.
45. Romek Z. Nauka przeciw ideologii // *Dzieje najnowsze*. – W-wa, 2002. – N 1. – S. 95–102
46. Rotfeld S. Putin się przeliczył. – Mode of access: http://wyborcza.pl/politykaekstra/1,140271,16500076,Rotfeld_Putin_sie_przeliczyl.html
47. Schaff A. Stereotyp: definicja i teoria // *Kultura i społeczeństwo*. – W-wa, 1978. – T. 22, N 3. – S. 43–78.
48. Sielezin J.R. Obraz Rosji i Rosjan w polskiej opinii publicznej i w wybranych syntezach historii Polski i publicystyce w XX wieku // *Obraz Rosji i Rosjan w Polsce XIX–XX wieku. Opinia publiczna. Stosunki polsko-rosyjskie. Pamięć historyczna*. – Lublin, 2012. – S. 167–188.
49. Skorupska A. Polska opinia publiczna o Rosji i rosjanach // *Polacy i rosjanie: Przewyciężanie uprzedzeń*. – Łódź, 2006. – S. 50–55.
50. Skorupska A. Wizerunek Rosji i rosjan w mediach // *Polacy i rosjanie: Przewyciężanie uprzedzeń*. – Łódź, 2006. – S. 76–383.
51. Skwieczyński P. Kompleks Rosji // *Rzeczpospolita*. – W-wa, 2008. – 13–14 wrzes. – S. 13–15.
52. Smolar A. Kuda idiosz, Rossija? // *Gazeta wyborcza*. – W-wa, 2008. – 23–23 sierpn. – S. 20–21.
53. Stefaniak J. Obraz Rosji i Rosjan w historiografii PRL (twórczość postaw ideowo-politycznych) // *Obraz Rosji i Rosjan w Polsce XIX–XX wieku. Opinia*

- publiczna. Stosunki polsko-rosyjskie. Pamięć historyczna. – Lublin, 2012. – S. 189–202.
54. Stobiecki R. Rosja i rosjanie w polskiej myśli historycznej XIX i XX ww. // Katalog wzajemnych uprzedzeń polaków i rosjan. – W-wa, 2006. – S. 159–201.
 55. Tokarz T. Sowiety czyli Rosja. Teza kontynuacyjna w publicyście polskiego wychodźstwa // Przegląd humanistyczny. – W-wa, 2007. – N 4. – S. 98–118.
 56. Tusk D. Mamy do czynienia z wojn. – Mode of access: <http://www.tvn24.pl/wiadomosci-z-kraju,3/tusk-o-ukrainie-mamy-do-czynienia-z-wojna-choc-bez-wypowiedzenia,424408.html>
 57. Tusk D. Dobrze że polacy martwią się Ukrainą. – Mode of access: <http://www.tvn24.pl/wiadomosci-z-kraju,3/tusk-dobrze-ze-polacy-martwia-sie-ukraina,426853.html>
 58. Tusk D. Nie pomagajcie się Putinowi. – Mode of access: http://wyborcza.pl/1,75478,15928040,Tusk_do_PiS_i_euroceptykow__Nie_pomagajcie_Putinowi.html
 59. Ukraińska pobudka Uni. – Mode of access: http://wyborcza.pl/1,75968,15851753,Ukrajnska_pobudka_Unii.html
 60. Wildsztejn B. Hodowanie rosyjskiego monstrum // Rzeczpospolita. – W-wa, 2008. – 5 wrzes. – S. 14.
 61. Wierzbicki A. Nacjonalizm i geopolityka w Turopie Wschodniej // Geopolityka w stosunkach polsko-rosyjskich. – W-wa, 2012. – S. 87–122.
 62. Włodkowska-Bagan A. Konfliktowość w stosunkach polsko-rosyjskich jako stygmat geopolityczny // Geopolityka w stosunkach polsko-rosyjskich. – W-wa, 2012. – S. 45–64.
 63. Żakowska M. Rosia i rosjanin w publicyście polskiej po 1989 r. // Polacy i rosjanie: Przewycieczanie uprzedzeń. – Łódź, 2006. – S. 360–373.
 64. Zdziechowski M. Wpływy rosyjskie na duszę polską // Duzsa polska i rosyjska: Antologia. – W-wa, 2002. – S. 151–173.
 65. Zientara B. Dawna Rosja: Despotyzm i demokracja. – W-wa, 1995. – 350 s.